

Л.Е. Мариненко, Т.А. Катцина

«ЧТО МЫ КРЕСТЬЯНЕ, ДРУГОЙ НАРОД, ЧТО ЛИ?»: СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Изучены особенности функционирования сельской системы снабжения Восточной Сибири в первой половине 1930-х гг. Авторы пришли к выводу, что система снабжения сельского населения была подчинена курсу форсированной индустриализации, она являлась инструментом для подстегивания хода коллективизации и должна была обеспечивать государству стабильное поступление сельскохозяйственной продукции. Следствием данной политики стало снижение уровня жизни сельского населения, разрушение традиционной крестьянской этики.

Ключевые слова: система снабжения; карточная система; сельское население Сибири; торговля; уровень жизни сельского населения.

Трансформация общественной системы в первые десятилетия советской власти стала причиной социальных изменений в стране, в результате уровень и качество жизни рядовых граждан существенно изменились. Вопросы об альтернативах общественного развития в первые десятилетия XX в. до сих пор актуальны и дискуссионны. В числе наиболее острых проблем историографии СССР остается вопрос о социальных последствиях проводимых преобразований, их цене с точки зрения «человеческого измерения» истории.

Цель статьи – изучить влияние государственной экономической политики в области снабжения на сельское население Восточной Сибири в условиях карточной системы первой половины 1930-х гг.

Тема эволюции системы снабжения населения СССР в годы первых пятилеток изучалась советскими [1], российскими [2] и зарубежными учеными [3]. Работы советских ученых были посвящены изучению политики партии в области торговли и снабжения, анализу организационной структуры последних, принципам их функционирования. Советские работы идеологизированы, выводы о динамичном развитии советской торговли, повышении жизненного уровня трудящихся, качественных изменениях в материально-технической базе торговли зачастую заслоняли в данных исследованиях такие противоречия реальной действительности, как товарный дефицит, голод, существование черного рынка. В постсоветский период появились новые публикации, посвященные глубокому анализу проблем и противоречий социально-экономического развития СССР, в их числе работы Е.А. Осокиной, которая обосновывает причинно-следственную связь между экономическим курсом правительства и введением карточной системы в стране, кризисами снабжения, товарным голодом. На данном этапе появились исследования, посвященные региональным аспектам проблемы торговли и снабжения в первые десятилетия советской власти [4–6]. Однако до сих пор недостаточно изученными остаются вопросы снабжения и уровня жизни сельского населения Сибири в довоенный период, данное исследование помогает частично восполнить этот пробел.

При работе над статьей были использованы принципы объективности, историзма, детерминизма, системный подход, сравнительно-исторический метод.

Проанализированный с помощью данных методов материал расположен в хронологической и логической последовательности.

В 1920-е гг. существовало несколько альтернатив развития СССР. Один из возможных путей развития предусматривал сбалансированное развитие промышленного и аграрного секторов экономики. Другой вариант был связан с задачей быстрого наращивания промышленного потенциала страны, достижения высокой степени обороноспособности за счет мобилизации всех ресурсов государства на нужды индустриализации. Напряженная международная обстановка, военная угроза, промышленная отсталость СССР и слабость основ демократии в стране сформировали благоприятную почву для форсированной индустриализации.

Во второй половине 1920-х гг. население страны начинает испытывать «товарный голод», что являлось прямым следствием курса правительства по вытеснению частного сектора из советской экономики с целью мобилизации всех ресурсов для нужд индустриализации. Политика, направленная на ликвидацию частного предпринимательства в сфере снабжения, привела к тому, что государство было вынуждено за счет собственных резервов насыщать потребительский рынок необходимыми товарами, в то время как государственная легкая и пищевая промышленность СССР в данный период была не в состоянии обеспечить возрастающий покупательский спрос населения страны. Форсированная индустриализация и политика государственных заготовок сельскохозяйственной продукции привела к продовольственному кризису.

В условиях разразившегося кризиса снабжения руководство страны вынуждено было ввести карточную систему для стабильного обеспечения продовольствием наиболее важных народно-хозяйственных объектов и ограничить уровень потребления остальной части населения. В январе 1931 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП (б) и Народного Комиссариата снабжения СССР была введена всесоюзная карточная система на основные продукты питания и непродовольственные товары.

В основе карточного снабжения населения были классово-производственный и этаكرатический принципы. В данной структуре центральное место отводи-

лось снабжению высшей партийной элиты, на следующей ступени иерархии находились карательные органы и армия, остальное население занимало различное место в ней в зависимости от их роли в процессе создания индустрии страны. Снабжение сельского населения находилось на одном из последних мест в этой иерархии. Большая часть жителей СССР, преимущественно проживающих в сельских поселениях, вообще не получила карточек. Основная масса крестьян оказалась за пределами карточной системы, лишь некоторые группы сельских жителей были отнесены к различным спискам снабжения.

Государство смогло организовать стабильное централизованное обеспечение лишь той части сельского населения, которая работала на наиболее важных народно-хозяйственных объектах (в совхозах, МТС, лесозаготовках). Государственный паек полагался также местному руководству и работникам политотделов совхозов и МТС, которые пропагандировали официальный политический курс среди населения. На централизованном снабжении состояли те слои населения, которые являлись опорой советской власти в деревне: бывшие партизаны и бедняцко-батрацкие элементы. Также паек выделялся сельской интеллигенции и детям. Нормы, установленные правительством для снабжения данных групп сельского населения, были лишь ориентиром для снабжающих организаций. В действительности же из-за скудных местных товарных фондов нормы эти часто не выполнялись. К примеру, в документах красноярских архивов описывались массовые случаи в 1932–1933 гг., когда сельские учителя не получали в течение одного-двух месяцев продуктов питания вообще [7. Л. 67].

На централизованном государственном снабжении была меньшая часть сельского населения. Если проанализировать пайковые нормы жителей деревни, то увидим, что государство смогло обеспечить лишь их минимальные потребности в продуктах питания и промтоварах. Для примера можно взять нормы снабжения районных руководящих работников. В октябре 1933 г. их пайковые нормы были следующие: хлеба на главу семьи в день полагалось 800 г, на каждого члена семьи – 400 г, рыбы – 2 кг в месяц, сахара – 1,5 кг, мыла хозяйственного – 500 грамм, кондитерских изделий – 2 кг на главу семьи и 1 кг на каждого члена семьи [8. Л. 84]. Для других сельских жителей, получающих пайковое снабжение, нормы были еще ниже.

Источники товарных фондов для снабжения населения частично формировались за счет центра, остальная часть изыскивалась из местных резервов. Но и этот скудный паек зависел от экономической возможности его обеспечения, как на уровне центра, так и отдельного региона. В условиях, когда государство не справлялось с обеспечением населения страны, зачастую пайковые нормы сокращались, с централизованного снабжения снимались отдельные слои населения. Так, например, в 1930 г. в одной из сводок ОГПУ о продовольственных затруднениях в Канском округе уполномоченные отмечали, что из-за отсутствия хлеба снабжение батраков и бедняков в районах прекращено. В связи с этим наблюдалось выражение недовольства со стороны бедняцко-батрацких слоев

населения. Так, в с. Ирбее во дворе общества потребителей собралась толпа жен служащих, беднячек, батрачек, которые обратились к председателю общества потребителей с требованием выдачи муки. Но председатель в связи с отсутствием муки им отказал, тогда женщины начали кричать, из толпы послышались выкрики: «Ограбили крестьян, обобрали народ, а теперь хотите остальных с голоду заморить!» При этом некоторые из женщин плакали. А бедняки и батраки, остро нуждающиеся в хлебе, говорили, что советская власть нуждается в поддержке бедноты только в момент проведения тех или иных мероприятий в деревне. В связи с голодом крестьяне все чаще высказывали мнение, что нужно выходить из колхозов и подыскивать себе другую работу или место жительства [9. Л. 123]. Бедственное материальное положение крестьян описано и в письме жителя д. Ново-Покровка Кожевниковского района, адресованном Сталину: «С 20 мая 1932г. стало нечего есть. Стало правление выдавать только тем, кто работает 800 грамм, а детям, старикам и матерям, которые из-за отсутствия ясель должны быть при детях, не выдавали хлеба совсем. Такое положение заставило колхозников выходить из колхоза: из 120 домохозяев осталось в колхозе 27...» [10. С. 238].

Карточной системой была охвачена лишь небольшая часть жителей села. Остальные сельские жители не получали стабильного пайка, они были отнесены к нетарифицированному населению. Снабжение этих людей тоже строго подчинялось потребностям индустриализации. Задачей сельской системы снабжения было создание условий для стимулирования хода коллективизации и обеспечение стабильного поступления сельскохозяйственной продукции государству.

Сельские поселения снабжались по остаточному принципу. Государственное снабжение основной массы сельского населения было лишь дополнением к принципу самоснабжения деревни. Хотя возможности последнего были ограничены. Методы государственных заготовок в деревне были направлены на получение необходимого количества сельскохозяйственной продукции при минимальных взаимных обязательствах со стороны государства. В 1930-е гг. существовала система обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции сельским населением. Государство покупало сельскохозяйственную продукцию у них по низким заготовительным ценам, а товары в деревню направляло по высоким коммерческим ценам. Государственные заготовки оставляли сельскому населению ничтожную часть продукции для собственного потребления.

Поскольку зависимость Восточно-Сибирского региона от централизованных товарных фондов была сильной, то объем поступления продуктов питания и промышленных товаров из центра определял и уровень обеспеченности населения необходимой продукцией. Распределение товарной массы между регионами СССР зависело от народно-хозяйственного значения каждого района и его вклада в процесс индустриализации. В Восточную Сибирь, которая являлась регионом преимущественно аграрным, шел меньший объем товаров, чем в другие части страны. Товаро-

оборот сельских поселений складывался из двух элементов. Первая часть товарных фондов имела целевое назначение (для отоваривания заготовок сельскохозяйственной продукции, рыбы, леса). Данные товары поступали в деревню в зависимости от выполнения трудящимися государственных планов заготовок. Вторую часть составляли товарные ресурсы, которые не зависели от выполнения сельскими жителями планов по заготовке различных видов продукции.

В основе сельского снабжения лежал принцип стимулирования государственных заготовок. Создавались специальные товарные фонды, которые поступали в сельскую местность в период уборочной кампании. Не случайно большая часть товаров в сельские поселения поступала преимущественно в третьем–четвертом квартале, когда можно было судить об итогах выполнения плановых обязательств. Объем товарных фондов, направляемых в деревню, зависел от значения каждого отдельного района в хлебозаготовительной кампании и от выполнения колхозниками плана государственных заготовок продукции. В случае невыполнения взятых обязательств колхозниками руководство вовсе не направляло в эти районы товары. В Красноярских и Иркутских архивах находится огромное количество директив центрального и местного руководства, категорически запрещавших заранее отправлять товары крестьянам в счет будущего урожая, а на местное руководство, которое распределяло товарный фонд, не учитывая выполнения плана хлебозаготовок колхозами, налагались взыскания. Поэтому можно сделать вывод, что количество направляемых товаров в деревню отнюдь не зависело от численности населения отдельно взятых районов или потребности их в промышленных товарах, в расчет брался лишь факт выполнения ими плана хлебозаготовок.

При выполнении плана хлебозаготовок производилось премирование сельского населения. Колхозы за каждый пуд сданного хлеба получали товаров на 35 копеек, индивидуальные хозяйства – на 30 копеек [11. Л. 13]. Для сравнения, в первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири средняя цена на шапку-ушанку в розничной торговой сети была от 12 до 20 рублей [12. Л. 9]. Это значит: чтобы заработать деньги на покупку шапки, единоличник должен был сдать государству около 66 пудов хлеба.

Государство бронировало специальные товарные фонды для сельского населения, которое производило различные виды заготовок. При заготовительных пунктах, складах и базах отраслевых объединений Народного комиссариата снабжения были открыты около 600–700 торговых лавок по областям, краям, республикам. Через эти лавки происходила продажа промтоваров, выделенных для стимулирования заготовок скота, птицы, яиц, молока и масла [13. Л. 62]. В начале 1930-х гг. колхозники, производившие заготовку сельскохозяйственных продуктов и сырья, могли получить товаров на 30–40% от полученной суммы, а единоличники – на 25–30% [14. С. 45]. В Красноярском округе в 1930 г. нормы выдачи товаров были следующими: при сдаче шерсти, молока, льна и пеньки товары выдавались в размере 30% от полученной сдатчиками суммы, яиц – 20%, утильсырья, щетины, волоса – 15% [15].

В условиях товарного дефицита жители деревни готовы были сдавать продукцию государству при условии наличия необходимых промтоваров. Дело доходило даже до того, что промтовары не продавали, а обменивали только на продукты и сырье. Подобная практика вызывала негодование со стороны сельского населения. В докладных записках Канского окружного комитета ОГПУ были описаны подобные случаи: «...Другим моментом, возбуждающим недовольство большей части единоличников всех прослоек, является кризис на промышленные товары. И это недовольство усугубляется еще и тем обстоятельством, что все общества потребителей такие предметы, как конфеты, махорка и др. стали отпускать только в обмен на товары: как, яйца, щетину, волос, шерсть и т.п. Это положение чрезвычайно отражается особенно на тех, кто не имеет кредитов на обмен и некоторые из них не получив необходимого товара пускаются на демагогические приемы. Так, например, крестьянин-середняк д. Капитоновки тут же срезал у своего коня хвост и с хвостом в руке, обращаясь к стоявшему в числе присутствующих 50 человек, бывшему партизану сказал: «Видишь, что ты завоевал, нам приходится обрезать лошадям хвосты, чтобы получить покурить». Среди толпы поднялся хохот, и послышались иронические выкрики: «Да добились большой продукции, в кооперации всего достаточно» [9. Л. 57].

Из-за товарного дефицита происходили и вовсе абсурдные случаи. Так, в с. Ивановское, по рассказам уполномоченного, «неизвестно по каким соображениям, общество потребителей додумалось отпускать гвозди только на гробы. Следовательно, чтобы получить гвозди, нужно, чтобы в семье кто-то умер. По поводу отпуска гвоздей на гробы крестьяне шутили: «Ну, значит, Советская власть о нас заботится, уже гвозди для гроба заготовила, помирай ребята, не стесняйся. Советская власть поможет, гвоздей на гроб даст, а о другом и думать не стоит» [10. С. 238]. Товарный дефицит подогревал недовольство политикой партии в крестьянской среде.

Из-за остаточного принципа формирования сельских товарных фондов размер товарооборота города и села значительно отличался. Вопреки тому, что сельское население по своей численности в РСФСР почти в три раза превосходило городское, в деревню направлялась меньшая доля товаров. Показатели сельского и городского товарооборота в начале 1930-х гг. в расчете на душу населения определялись, соответственно, соотношением 1:7 [16. С. 460].

Более высокие нормы снабжения городов и важных промышленных объектов по сравнению с деревней порождали в среде крестьян негативное отношение к власти, рабочим и служащим. Наглядной иллюстрацией подобных настроений может служить докладная записка ОГПУ о продовольственных затруднениях и политическом настроении в связи с этим населения Канского округа. Уполномоченный писал, что «В с. Нижний Ингаш середняк Д. среди толпы крестьян в 20–25 человек говорил: “Что мы крестьяне другой народ что ли, три месяца аванс давал и обуви нет, а рабочий получает, сколько ему нужно. Зачем мне сдалось стараться для государства, все дай, а те-

бе? Это, по-моему, делается все нарочно, чтобы обидеть крестьян» [17. Л. 286]. 9 июля 1930 г. на базаре г. Канска были слышны разговоры крестьян со служащими по поводу дороговизны продуктов: «А зачем вам паек, власть вас кормит. Мы не виноваты, что у нас весь хлеб забрали. Хлеб теперь продает беднота, у середняков его нет. Отбили охоту сеять, зачем, говорит, я буду на кого-то работать, да еще в тюрьме гнить, сравняюсь с бедняком» [Там же]. Эти высказывания крестьян свидетельствуют об отсутствии заинтересованности в собственном труде и расширении сельскохозяйственного производства.

Продовольственные трудности и голод были следствием аграрной политики власти. Материалы сибирских архивов практически не содержат упоминаний о голоде на территории Восточной Сибири в первой половине 1930-х гг., так как центральные и местные власти отрицали факт голода в период сплошной коллективизации. В документах содержатся лишь упоминания о «временных продовольственных затруднениях». Поэтому определить масштабы этого явления в регионе очень сложно. Причинами голода были не только природные явления (засуха), но и политика партии, когда изымалась у крестьян практически вся сельскохозяйственная продукция, а часто и семенные фонды. В публикациях М.П. Малышевой и В.С. Познанского [18] содержатся сведения о голоде в 1930 г. на юге Сибири. На основе архивных документов авторы описывают многочисленные случаи питания населения суррогатами, протравленной семенной пшеницей, нищенства, массовых выступлений крестьян.

Голодная жизнь порождала в среде крестьян мнение о том, что работать бесполезно, так как за свою работу не получишь никакого материального вознаграждения. Примером тому может служить собрание в апреле 1930 г. в сельскохозяйственной коммуне «Искра» Нижне-Ингашского района, где обсуждался вопрос о распределении дохода. На собрании звучали следующие высказывания: «За что работали, куда подевался заработок, завтра не пойдем на работу. На черта нам сдалась эта коммуна, голодаем, из зубов кровь уже от цинги идет, а молоко сдают до капли. Лучше сидеть голодом, но не работать» [19. Л. 26]. Попытки пропаганды в крестьянской среде трудового энтузиазма часто терпели крах в условиях полуголодной жизни и отсутствия материальных стимулов к труду. Подобную трансформацию традиционной трудовой этики отмечал и ленинградский рабочий, который работал в одном из колхозов Ужурского района: «Нам колхозники говорят: накормите нас и скот, а потом о соревновании говорить будем» [20. Л. 24].

Одним из последствий аграрной политики стало резкое снижение уровня потребления продуктов питания сельским населением в начале 1930-х гг. Если в конце 1920-х гг. уровень потребления жителей деревни мяса, масла, хлеба, картофеля был выше, чем у горожан, то в первую пятилетку по мясу, маслу и картофелю даже ниже. Причины этого в том, что неземледельческое население находилось на карточном снабжении и стабильно получало продукты. А крестьяне выживали лишь за счет личного подсобного хозяйства. Объем основных продуктов питания, которые

традиционно поступали в крестьянскую семью за счет собственного хозяйства, резко сократился. Это являлось следствием аграрной политики партии, направленной на изъятие сельскохозяйственной продукции по низким закупочным ценам. Сельская же система снабжения не восполняла этот пробел из-за отсутствия необходимых товарных фондов [21].

Недостаточное снабжение, полуголодная жизнь часто становились причинами бегства крестьян в города. Городское население в 1930-е гг. росло преимущественно за счет механического прироста. Отток сельского населения из деревни, несмотря на все административные преграды, происходил разными способами: через вербовку рабочей силы на стройки и сезонные работы, для продолжения учебы в городе, службу в армии. Особенно большие масштабы миграции жителей села наблюдались в начале 1930-х гг. В 1930 г. более 2 млн крестьян в СССР переселились в город, в 1931 г. – еще 4 млн. И это при том, что в 1920-е гг. в среднем ежегодная миграция сельского населения в города составляла около 1 млн человек [3. С. 96]. Масштабы добровольной миграции крестьянства несколько снизило принятие паспортной системы в стране в 1932 г., но сельское население находило иные способы, чтобы покинуть деревню. Очевидно, что основной причиной урбанизационных процессов являлся переход в СССР к индустриальному типу общества в 1930-е гг. В то же время можно отметить, что город притягивал сельское население лучшими условиями жизни, и в том числе в сфере снабжения, что дополнительно стимулировало добровольную миграцию крестьян из деревень.

После сдачи сельскохозяйственной продукции государству, формирования необходимых семенных запасов из небольшой оставшейся части урожая создавались колхозные фонды. Из них, на основании выработанных трудодней, распределялись между колхозниками оставшаяся продукция и деньги, полученные от государства. Благодаря такому остаточному принципу доходы колхозников, которые складывались на основании вышеуказанного источника, были невелики.

Основным источником дохода сельского населения являлось личное подсобное хозяйство и колхозная торговля. Советское правительство, в целях насыщения потребительского рынка сельскохозяйственной продукцией и создания материальной заинтересованности крестьян в расширении сельскохозяйственного производства, выпустило в мае 1932 г. постановление «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами». Колхозная торговля должна была осуществляться по свободно складывавшимся на рынке ценам. Доходы от торговли колхозов и колхозников не облагались налогом, а единоличники должны были уплатить 30% от полученной прибыли [22. С. 388–389]. В целом по стране цены колхозных рынков превышали государственные закупочные по зерновым культурам в 30 раз, а по продуктам животноводства – в 6–10 раз [23. Л. 25]. Крестьянам было более выгодно продавать свою продукцию на рынке. Чтобы избежать сокращения государствен-

ных заготовок, правительство ввело ограничение: крестьяне могли продавать свою продукцию на колхозном рынке лишь после выполнения плана обязательных поставок государству.

Доходы крестьян от колхозного рынка в первой половине 1930-х гг. постоянно росли. Особенно высокие темпы роста наблюдались после 1932 г., когда доля прибыли от колхозного рынка доходила почти до 70% совокупного дохода крестьянской семьи. Такой уровень стал возможен благодаря высоким ценам на продукты питания на рынке в условиях продовольственных трудностей. Для жителей городов и рабочих поселков колхозный рынок являлся необходимым дополнением к минимальному пайковому снабжению.

З.К. Звездин на основе обследования денежных доходов и расходов сельского населения страны в 1931–1932 гг. сделал вывод, что в структуре денежных доходов крестьян преобладали два вида доходов: от неzemледельческих занятий и от продажи продуктов на рынках по высоким ценам. Уровень денежных доходов отдельных деревень зависел от степени приближенности их к городскому рынку [24. С. 325]. Его мнение подтверждают данные о том, что в 1933 г. колхозы и колхозники в СССР получили от продажи на базарах собственной продукции прибыль на сумму 10 млн руб., в 1934 г. – 14 млн руб., а в 1935 г. – 16 млн руб. [25. С. 20]. Покупательная способность сельского населения Красноярского округа в 1932–1933 гг. по сравнению с 1927–1928 гг. выросла в основном за счет этих источников доходов с 14,3 до 55,5 млн руб. [26. Л. 69]. Но доходы сельского населения росли быстрее, чем товарные ресурсы, направляемые в деревню. Денежная масса скапливалась у сельского населения и в условиях дефицита товаров не возвращалась государству, что негативно сказывалось на темпах экономического развития.

Если рассмотреть структуру расходов сельского населения СССР на приобретение продуктов питания и промышленных товаров, то в 1930–1932 гг. удельный вес расходов на промтовары в ней составил около 40–50%, причем значительная часть покупок была совершена на рынке, что свидетельствует о товарном дефиците в государственной торговой сети. Удельный вес покупок крестьян в государственной и кооперативной торговле составлял всего около 25% [24. С. 326].

Таким образом, система снабжения сельского населения в первой половине 1930-х гг. была подчинена курсу форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, она являлась инструментом для подстегивания хода коллективизации и должна была обеспечивать государству стабильное поступление сельскохозяйственной продукции. Карточная система, основанная на этакратическом и классово-производственных принципах, охватила меньшую часть сельского населения, значительная же часть жителей деревень выживала за счет самоснабжения.

В основе сельского снабжения был факт выполнения плана государственных заготовок. При успешном его выполнении необходимые товарные фонды централизованно направлялись в деревню, если же планы не выполнялись, то товарный поток сокращался или вовсе не распределялся в отдельные районы.

Все товарные ресурсы в стране распределялись между регионами в зависимости от их участия в процессе наращивания промышленного потенциала страны. Поэтому основная масса жителей деревни снабжалась по остаточному принципу, несмотря на то что сельское население по численности в три раза превышало городское. Восточная Сибирь как район с аграрной специализацией получала значительно меньший объем товарной массы, нежели другие регионы.

Товарообмен между городом и деревней страдал явной диспропорцией, крестьяне сдавали продукцию государству по низким заготовительным ценам, а получали товары по высоким коммерческим ценам. Подобная мера была вызвана тем, что покупательский спрос деревни (значительная часть доходов сельского населения формировалась за счет неzemледельческих заработков и продажи своей продукции на колхозном рынке) значительно превышал возможности его товарного покрытия. Поэтому, чтобы изъять денежные средства из деревни, государство использовало высокие коммерческие цены.

Сопоставляя объем городского и сельского товарных фондов, можно сделать вывод, что сельские поселения получали в несколько раз меньше товаров, чем город. Те товарные фонды, которые поступали в деревню, неравномерно распределялись среди населения. При распределении товарной массы также важную роль играл классовый принцип, преимущества были на стороне колхозников и бедняцко-батрацких слоев населения. Система снабжения сибирской деревни работала с большими перебоями, невыполнение плана розничного товарооборота стало устойчивой тенденцией в условиях карточной системы.

Благодаря такой экономической политике удалось добиться быстрой перекачки средств из фонда потребления населения в фонд промышленного накопления. Государство, направляя все ресурсы на нужды индустриализации, не могло обеспечить в полном объеме промтоварами и продуктами жителей села. Уровень потребления сельским населением продуктов сократился. Причем в первую очередь это касалось тех продуктов, которые крестьяне получали за счет личного подсобного хозяйства. Поэтому продовольственные трудности и голод затронули именно сельское население. Жители городов и рабочих поселков были обеспечены, по крайней мере, стабильным пайком.

Крайне скудное и неравномерное снабжение сельских поселений формировало в крестьянской среде мнение о невозможности изменить свое материальное положение в деревне. Поэтому крестьяне бежали от земли, в поисках лучшей жизни, в города. Перебои в снабжении товарами и продуктами питания, изъятие практически всего урожая для выполнения плана хлебозаготовок, невысокие выплаты из колхозных фондов не способствовали формированию стимулов к труду. В 1930-е гг. происходили разрушение традиционной крестьянской этики, отчуждение крестьян от земли и превращение их в наемных рабочих, не заинтересованных в результатах своего труда, поэтому можно говорить о процессах раскрестьянивания в данный период. Представление о том, что хороший труд является источником более обеспеченной жизни, не соответ-

ствовало реальной действительности 1930-х гг. Крестьяне не видели необходимости усердно работать, так как все равно никакой материальной отдачи от своего труда они не получали. В то же время плохое снабжение деревни, низкий уровень жизни ее жителей были факторами «внешнего раскрестьянивания», т.е. ми-

грации сельского населения в города и изменения их положения в социальной структуре. В 1930-е гг. в СССР шли урбанизационные процессы, обусловленные объективными причинами смены типа общества в стране, и аграрная политика косвенно стимулировала этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М. : Наука, 1965. 402 с.
2. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. 271 с.
3. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: деревня. М. : РОССПЭН, 2001. 422 с.
4. Мариненко Л.Е. Торговля и система снабжения в восточносибирской деревне в 1930-е гг. Красноярск : СФУ, 2012. 158 с.
5. Дударь Л.А. Карточная система снабжения различных категорий населения СССР в 1928–1934 годах // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1061–1065.
6. Малышева М.П. Голод на юге Сибири в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84–88.
7. Центр документов новейшей истории Иркутской области (далее – ЦДНИ ИО). Ф. Р-2526. Оп. 1. Д. 8.
8. ЦДНИ ИО. Ф. П-123. Оп. 1. Д. 456.
9. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (далее – ГАКК). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 808.
10. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. / отв. ред. М.П. Малышева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 307 с.
11. Российский государственный архив экономики. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 493.
12. ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 1. Д. 1155.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 410. Оп. 1. Д. 92.
14. Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни населения в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М. : Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
15. Дефицитные товары сдатчикам шерсти, молока, яиц, льна и пеньки (1930) // Красноярский рабочий. 1930. 10 августа.
16. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3: Создание фундамента социалистической экономики в СССР, 1926–1932 гг. / под ред. И.А. Гладкова, А.Д. Курского, А.И. Косого. М. : Наука, 1977. 535 с.
17. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814.
18. Малышева М.П., Познанский В.С. Голод на юге Западной Сибири в начале 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 74–78.
19. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 745.
20. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 720.
21. Волков И.М., Вылцан М.А., Зеленин И.Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1982 гг.) // История СССР. 1983. № 2. С. 3–20.
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет : в 5 т. М. : Политиздат, 1967. Т. 2. 798 с.
23. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 41.
24. Звездин З.К. Материальные обследования денежных доходов и расходов сельского населения в 1931–1932 гг. // Источниковедение истории советского общества : сб. статей / под ред. Д.А. Чугаева. М. : Наука, 1968. Вып. 2. С. 319–339.
25. Нодель В.А. Ликвидация карточек, снижение цен и развернутая советская торговля. М. : Политиздат, 1935. 55 с.
26. ГАКК. Ф. Р-1301. Оп. 1. Д. 18.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2017 г.

“WE, PEASANTS, ARE WE A DIFFERENT PEOPLE?”: THE RURAL POPULATION OF EASTERN SIBERIA AND THE RATIONING SYSTEM OF THE FIRST HALF OF THE 1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 137–143.

DOI: 10.17223/15617793/427/18

Lyudmila E. Marinenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Tatiana A. Kattsina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: katsina@list.ru

Keywords: supply system; rationing system; rural population of Siberia; trade; rural population living standard.

The article is devoted to the study of the influence of the economic policy in the sphere of trade and supply on the rural population in Eastern Siberia under the rationing system in the first half of the 1930s. Based on the archives, the authors come to the following conclusion: the supply system of the rural population in Siberia in the first half of the 1930s was subject to forced industrialization and total collectivization. The authors studied the supply system functioning principles in the first half of the 1930s. The article states that central supply was directed to the minority of the country's rural population. The supply rate differentiation in the years of the rationing system was determined by class, production and etacrat principles. The ration for different categories of the rated population in the countryside was considerably smaller quantitatively and worse qualitatively than the ration for the same categories in towns and cities. The state could only provide minimal supply rates for its people in the context of limited goods. After the authors analyzed the formation and distribution sources of commodity funds, they came to a conclusion that their volume for the rural area was considerably lower than that for the city. This tendency was determined by the fact that all the Soviet society resources worked together for the industrialization needs. The commodity funds for the rural area were distributed extremely unevenly among the population. The funds of designated use had a significant weight. The arrival of goods to the countryside depended on the implementation of the agricultural products state procurement plan by peasants. The article studies the consequences of the commodity shortage in the 1930s, including financial resources concentration in people's hands. To withdraw these resources the state established high commercial prices for commodities directed to the rural area. Thanks to such a supply system, they managed to achieve quick money transition from the population consumption fund to the industrial accumulation fund. Food and material supply shortage, withdrawal of almost all output yield for the grain delivery plan implementation, low payments from the rural funds did not contribute to the labour stimuli development. Another side effect of this economic system was peasants' disinterest in increasing the production vol-

ume. Thus, the transformation of the society during the first decades of the Soviet system caused social changes in the country. As a result, living standards of common Soviet people changed significantly. The USSR economic policy of the 1930s led to a decrease of the rural population living standards, reduction of food consumption and destruction of traditional peasant philosophy.

REFERENCES

1. Dikhtyar, G.A. (1965) *Sovetskaya trgovlya v period sotsializma i razvernutoho stroitel'stva kommunizma* [Soviet trade in the period of socialism and the comprehensive construction of communism]. Moscow: Nauka.
2. Osokina, E.A. (1999) *Za fasadom "stalinskogo izobil'ya": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.
3. Fitzpatrick, S. (2001) *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 1930-e gg.: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
4. Marinenko, L.E. (2012) *Torgovlya i sistema snabzheniya v vostochnosibirskoy derevne v 1930-e gg.* [Trade and the supply system in the East Siberian village in the 1930s]. Krasnoyarsk: SFU.
5. Dudar', L.A. (2014) Kartochnaya sistema snabzheniya razlichnykh kategoriy naseleniya SSSR v 1928–1934 godakh [Card system of supply of various categories of the population of the USSR in 1928–1934]. *Kontsept*. 20. pp. 1061–1065.
6. Malysheva, M.P. (1998) Golod na yuge Sibiri v 1930 g. [The famine in the south of Siberia in 1930]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 84–88.
7. Documentation Center of the Modern History of Irkutsk Oblast (TsDNI IO). Fund R-2526. List 1. File 8. (In Russian).
8. Documentation Center of the Modern History of Irkutsk Oblast (TsDNI IO). Fund P-123. List 1. File 456. (In Russian).
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-96. List 1. File 808. (In Russian).
10. Poznanskiy, V.S. (2007) *Sotsial'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gody XX v.* [Social cataclysms in Siberia: hunger and epidemics in the 1920s–1930s]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Russian State Archive of Economics. Fund 5240. List 9. File 493. (In Russian).
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1478. List 1. File 1155. (In Russian).
13. State Archive of the Russian Federation. Fund 410. List 1. File 92. (In Russian).
14. Osokina, E.A. (1993) *Ierarkhiya potrebleniya: O zhizni naseleniya v usloviyakh stalinskogo snabzheniya, 1928–1935 gg.* [Hierarchy of consumption: On the life of the population in the conditions of Stalin's supply, 1928–1935]. Moscow: Moscow Region State University.
15. Krasnoyarskiy rabochiy. (1930) Defitsitnye tovary sdachikam shersti, moloka, yaits, l'na i pen'ki (1930) [Deficient goods to the dealers of wool, milk, eggs, flax and hemp (1930)]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 10 August.
16. Gladkov, I.A., Kurskiy, A.D. & Kosoy, A.I. (eds) (1977) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR: v 7 t.* [History of the socialist economy of the USSR: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-96. List 1. File 814. (In Russian).
18. Malysheva, M.P. & Poznanskiy, V.S. (1995) Golod na yuge Zapadnoy Sibiri v nachale 1930-kh gg. [The famine in the south of Western Siberia in the early 1930s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 74–78.
19. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-59. List 1. File 745. (In Russian).
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-59. List 1. File 720. (In Russian).
21. Volkov, I.M., Vyltsan, M.A. & Zelenin, I.E. (1983) Voprosy prodovol'stvennogo obespecheniya naseleniya SSSR (1917–1982 gg.) [Issues of food supply of the population of the USSR (1917–1982)]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 3–20.
22. Chernenko, K.U. & Smirnyukov, M.S. (1967) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: Sbornik dokumentov za 50 let: v 5 t.* [Decisions of the party and government on economic issues: Collection of documents for 50 years: in 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
23. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK), Fund P-26. List 1. File 41. (In Russian).
24. Zvezdin, Z.K. (1968) Material'nye obsledovaniya denezhnykh dokhodov i raskhodov sel'skogo naseleniya v 1931–1932 gg. [Material surveys of cash incomes and expenditures of the rural population in 1931–1932]. In: Chugaev, D.A. (ed.) *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva* [Source Studies of the History of Soviet Society]. Is. 2. Moscow: Nauka.
25. Nodel', V.A. (1935) *Likvidatsiya kartochek, snizhenie tsen i razvernutaya sovetskaya trgovlya* [Elimination of cards, price cuts and extensive Soviet trade]. Moscow: Politizdat.
26. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1301. List 1. File 18. (In Russian).

Received: 24 October 2017